

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.45

УДК 94(47)+94(517)

ББК 63.3(2)612+63.3Мон

*Б.Д. ЦЫБЕНОВ,**Л.В. КУРАС*

**«УРГИНСКИЙ РАЙОН ОПРЕДЕЛЕННО ПРОСЛЫВШИЙ
В ХАРБИНЕ КАК БОЛЬШЕВИСТСКИЙ...»:
БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН И МОНГОЛИЯ 1917–1919 ГГ.
В МАТЕРИАЛАХ МОНГОЛЭКС***

Статья посвящена изучению отдельных моментов истории Байкальского региона и Монголии в 1917–1919 гг., тесно связанной с революционными событиями и гражданской войной в России, через призму видения проблем сотрудниками «Особой экспедиции полковника Козлова». Основой работы послужили материалы фонда 71 Государственного архива Иркутской области.

Ключевые слова: Монголэкс, Монголия, Западно-Монгольский район, Ургинский район, большевики, белогвардейцы.

*B.D. TSYBENOV,**L.V. KURAS*

**«PEOPLE IN HARBIN REASONABLY CONSIDER
THE URGINSKYDISTRICT AS A DISTRICT
OF BOLSHEVIKS...»: BAIKAL REGION AND MONGOLIA
1917–1919 IN THE MATERIALS
OF THE MONGOLIAN EXPEDITION FOR PURCHASING
LIVESTOCK**

The article is devoted to the study of some details of the history of Baikal region and Mongolia in 1917–1919. The Mongolian history of this period is closely related to the revolutions and the civil war in Russia. The authors studied the materials of the fund 71 of the State Archives of the Irkutsk Region, which contain reports from Russian officials involved in the purchase of cattle in Mongolia.

Keywords: Mongolian expedition, Mongolia, West Mongolian region, Urginsky region, Bolsheviks, white guards.

После подписания русско-монгольского соглашения 1912 г. и протокола о торговле влияние России в Монголии стало усиливаться. С нача-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МиноКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

лом Первой мировой войны увеличилась закупка скота в Монголии, и в конце 1915 г. по указу Николая II была создана специальная закупочная организация в Монголии — Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии (другое название — «Особая экспедиция полковника Козлова», «Монголэкс»). Ее штаб располагался в Иркутске [1, с. 128]. Начальником экспедиции был известный путешественник, полковник П.К. Козлов. Его соратник по экспедициям, Ц.Г. Бадмажапов был назначен на должность уполномоченного Ургинского района.

После Февральской революции 1917 г. их освобождают от должностей: Козлова — 1 июня 1917 г., а Бадмажапова — в сентябре того же года. На должность начальника экспедиции назначается помощник Козлова, бывший ветеринарный инспектор Забайкальской области А.А. Дудукалов. Временным уполномоченным Ургинского района становится В.Г. Гей, бывший ветеринарный начальник 2-го участка Иркутского уезда. В мае 1918 г. его сменяет ветеринарный врач Велимирович, затем Завадский [2, л. 12-12 об.]. По данным М.В. Оськина, первоначально революционные события в России не оказали заметного влияния на деятельность Монголэкса [3, с. 132]. Однако бурное и непредсказуемое развитие революционных событий со временем затронуло и эту организацию, чьи закупочные отряды в районах действовали на огромных пространствах от Семипалатинска до Владивостока, от Баргузинской долины до степей Внутренней Монголии. В частности, сотрудники Монголэкса отмечали, что «нормальному ходу работ по составлению экспедиционной отчетности сильно вредили общеполитические события: война, часто отвлекавшая от дела, благодаря беспрерывным мобилизациям, наиболее ценных и опытных работников бухгалтерии; затем революционные события и т.д.» [2, л. 15].

Заместитель уполномоченного (подпись неразборчива, фамилия не определена — авт.) Западно-Монгольского района Монголэкса в своем докладе от 25 октября 1918 г. указал на нажим со стороны Советской власти, отметив, что период пребывания у власти большевиков в значительной степени отразился на ходе работ экспедиции. Так, в докладе говорилось: «Верная своему разрушительному принципу, Советская власть, с первых же шагов своего существования в крае, проявила настойчивое стремление к вмешательству в дела экспедиции, с целью сначала ограничить, а затем и вовсе лишить ее самостоятельности, которым экспедиция до этого пользовалась. По-видимому, у Советской власти, с самого же начала, установился на экспедицию взгляд, как на гнездо «контрреволюционеров» и «саботажников», т.е. лиц, не признававших Советской власти. Нельзя не признать, что такой взгляд на экспедицию, с точки зрения Совдепов, соответствовал действительности, ибо состав работников экспедиции, разве за самым малым исключением, был антибольшевистский. Экспедиция широко открывала свои двери для приема лиц, так или иначе потерпевших от большевистского режима или не хотевших

работать с большевиками. По мере укрепления Советской власти, состав служащих экспедиции все более пополнялся служащими государственных учреждений, судебными чиновниками, юнкерами и офицерами русской армии. Приток последних в экспедицию особенно усилился после известных декабрьских событий в Иркутске» [4, л. 79 об. — 80]. Все это, по данным заместителя уполномоченного Западно-Монгольского района Монголэкса, вызвало несколько подозрительное отношение к этому району со стороны Советской власти. Она предпринимала попытки вмешаться в дела Монголэкса, сначала навязывая свой контроль над ней, а затем и командирова своих эмиссаров. Перед самым падением Советской власти в Восточной Сибири была сделана попытка полного поглощения экспедиции как автономной организации Сибирским комиссариатом снабжения Центросибири. Администрация Монголэкса пыталась противостоять этим мерам Советской власти. И все же она не всегда могла вступать в открытую борьбу с Советской властью, рискуя погубить многомиллионное дело, столь необходимое для государства. Как отмечал чиновник, «администрация экспедиции никогда не сомневалась в кратковременном существовании Советской власти» [4, л. 80]. Заметим, что доклад написан в октябре 1918 г., к тому времени уже пала Центросибирь и большевики в Байкальском регионе перешли от борьбы организованным фронтом к тактике подполья и партизанской войны. Отход советских отрядов на восток, вызванный приходом белогвардейцев и чехословацких войск, сопровождался экспроприацией красноармейцами имущества Западно-Монгольского района Монголэкса и заготовленных продуктов [Там же, л. 80 об.].

В этой связи было отдано распоряжение всем закупочным отрядам об угоне заготовленного скота из российских пределов к монгольской границе. В архивных материалах отмечено, что инвентарь и материальные ценности Западно-Монгольского района Монголэкса были эвакуированы на казенном пароходе на остров и левый берег оз. Хубсугул, куда не могли попасть красноармейцы [Там же, лл. 81, 83 об.]. С другой стороны, Монголэкс с энтузиазмом встретил правительственные (так в тексте доклада отмечены белогвардейцы — авт.) и чехословацкие войска, с первого дня их вступления в Иркутск, взяв на себя снабжение мясом, как новообразованных гарнизонов, так и воинских частей на фронте. Были сделаны распоряжения закупочным отрядам: экстренно организовать кормовое снабжение мясом воинских частей, по мере занятия ими освобожденной от большевиков территории [Там же, л. 81].

В докладе о деятельности уполномоченного Маньчжурско-Владивос-токского района Монголэкса А.С. Мещерского за 1917–1918 гг. и начало 1918–1919 гг. наше внимание привлекла фраза «...главноуполномоченный, взявший на себя большую ответственность решением ликвидировать Ургинский район, определенно прослышавший в Харбине как большевистский, решил для наблюдения за ликвидацией, выгоном скота и для информации о его положении дела послать своего уполно-

моченного» [4, л. 109]. Ургинский район Монголэкса, очевидно, занимал большую часть Халхи (без Западной Монголии). Его составной частью являлся также Калганский район [Там же, л. 108 об.], расположенный на территории Внутренней Монголии. В Харбине располагался штаб уполномоченного Маньчжурско-Владивостокского района Монголэкса. Можно предположить, что ко времени подготовки доклада А.С. Мещерского в деятельности Монголэкса Харбин стал играть немаловажную роль. Он необратимо становился центром более спокойной, размеренной жизни для русских эмигрантов, в отличие от бурных, противоречивых перемен в России. Ликвидация Ургинского района, очевидно, была вызвана возникшими серьезными затруднениями в деятельности Монголэкса, связанными с оплатой закупки скота, незаконной реквизицией скота и смущениями закупочных отрядов, как белогвардейцами, так и Красной Армией. Наш интерес вызывает фраза «... Ургинский район определенно прославивший... как большевистский». Можно допустить, что сотрудники закупочных отрядов, работавшие в Ургинском районе, в силу обстоятельств, сталкивались и вступали во взаимодействие с прогрессивно настроенными жителями русской колонии в Урге, в том числе и с членами Ургинского Революционного комитета.

Очевидно, в целом в глазах правления Монголэкса Ургинский район резко выделялся на фоне других районов своей просоветской ориентацией. Это обстоятельство, на наш взгляд, очень важное и свидетельствует о довольно активной и плодотворной деятельности Ургинского Революционного комитета в период обострения гражданской войны в Байкальском регионе. С другой стороны, российское консульство в Урге оставалось верным прежнему правительству и проигнорировало как телеграмму правительства Советской России от 25 ноября 1917 г. [5, с. 95], так и Обращение правительства Советской России в адрес правительства и народа Внешней Монголии в 1918 г. [6, с. 180]. Несмотря на непримиримую позицию российского консульства в Урге, в городе, особенно, в его русской части, витали революционные настроения. Монголы, как чиновники, так и простолюдины, по-своему переживали происходящие события как в Монголии, так в Байкальском регионе. Как отмечает монгольская исследовательница Н. Хишигт, по мере изменения общей ситуации вокруг Монголии и нарастания политического кризиса в стране все более вырисовывалось, что в данный момент монголы могли обратиться за помощью только к Советской России. Особую роль в становлении пророссийской/просоветской ориентации монгольских чиновников и прогрессивно настроенной части аратов сыграли буряты, находившиеся в Монголии. Большинство из них пользовалось уважением монголов, представители бурятской интеллигенции приложили большие усилия в деле гражданского образования и культурного возрождения страны [7, с. 15-16]. Через бурят, проживавших в Урге, в Монголию могли проникать известия о событиях, происходивших в Байкальском регионе, о деятель-

ности новых бурятских общественно-политических структур: Бурнацкома и Бурнардумы. Как известно, в условиях утверждения Советской власти Бурнацком стремился к проведению независимой политики, направленной на национальное самоуправление и создание бурятской автономии [8, с. 49]. Таким образом, несколько поблекшая после Кяхтинского соглашения 1915 г. идея политического панмонголизма вновь ярко засияла на северной окраине монгольского мира.

Ургинские революционеры — члены Ургинского ревкома, по всей видимости, поддерживали связи с большевиками российско-монгольского приграничья г. Троицкосавск (Кяхта). Как известно, в апреле 1917 г. там был образован Совет рабочих и солдатских депутатов; в ноябре 1917 г. в городе была установлена Советская власть [9, с. 172-173]. В последующем советизация и события 20-30-х гг. XX в. привели Кяхту к экономическому угасанию [10, с. 243]. Вытесненные в Монголию бывшие белые офицеры, купеческая молодежь и реалисты Алексеевского училища — граждане Троицкосавска в марте 1918 г. стали ядром организации белого движения в Монголии [11, с. 291].

Таким образом, документы Государственного архива Иркутской области позволяют сделать вывод о том, что правление Монголэкса изначально стояло на антибольшевистских позициях и оказывало всемерную помощь белогвардейцам. Территория Монголии зачастую использовалась сотрудниками Монголэкса для укрытия скота и имущества организации от реквизиций красноармейцев. Один из районов Монголэкса — Ургинский район характеризуется сотрудником Монголэкса как «определенно прослывший большевистским», что наводит нас на мысль о достаточно сильных позициях Ургинского Революционного комитета в Монголии. Его члены как русские, равно как и буряты, по долгу службы, проживающие в Монголии, оказывали сильное влияние на монгольскую элиту и прогрессивно настроенную часть аратства. Во многом благодаря их деятельности появились первые монгольские кружки и революционеры, решительно настроенные на радикальное решение вопроса о независимости Монгольского государства.

Список использованной литературы и источников

1. Оськин М. В. Петр Кузьмич Козлов — организатор и первый руководитель экспедиции по заготовке скота в Монголии. Июль 1915 — март 1917 г. / М. В. Оськин // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — Т. 23, № 3. — С. 127-131.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 71. — Оп. 6. — Д. 5.
3. Оськин М. В. Монголия — России: организация «Монголэкс» до и после революции 1917 г. / М. В. Оськин // Россия и АТР. — 2018. — № 3 (101) — С. 128-137.
4. ГАИО. — Ф. 71. — Оп. 6. — Д. 4.
5. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / Э. В. Батунаев. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. — 160 с.

6. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас / рук. проекта; отв. ред. Б. В. Базаров / науч. ред. М. Н. Балдано. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.

7. Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой Российской революции. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. — С. 14-23.

8. Курас Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 188 с.

9. Курас Л. В. Город Троицкосавск — «колыбель» монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Современное историческое сибиреведение XVIII — начала XX в. : Сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. — Санкт-Петербург: Медианапир, 2020. — С. 171–184.

10. Кальмина Л. В. Кяхта в 1840–1930-х гг.: блеск и нищета «окна в Китай» / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. — 2019. — Т. 27, № 2. — С. 240-245.

11. Кургузов П. В. К истории формирования Ургинского отряда атамана Семенова на территории Внешней Монголии в 1918 г. / П. В. Кургузов // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения — X». — Улан-Удэ, 2019. — С. 288-292.

Информация об авторах

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Authors

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: bazar75@mail.ru

Leonid V. Kuras — Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru